

И. Е. Лоцилов

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск*

**Ранняя редакция повести Вс. Иванова
«Бронепоезд 14, 69» (1922): к истории рецепции ***

Статья посвящена истории рецепции первой редакции повести Всеволода Иванова «Бронепоезд 14, 69», созданной писателем в 1921 г. и впервые напечатанной в первом выпуске журнала «Красная Новь» за 1922 г. Первая редакция известна в двух вариантах: журнальном и книжном, отдельным изданием повесть вышла летом того же года. До 1932 г. она печаталась в первой книжной редакции, с незначительными вариациями. Эта же редакция легла в основу современного научного издания (2018). После 1932 г. текст повести, сохранившей свое ставшее «классическим» название, многократно переделывался автором при участии редакторов и цензуры. В статье собраны сведения и приведены цитаты из рецензий, обзоров и откликов преимущественно 1922–1925 гг. Показано, что первые критики обращали особое внимание на политику и идеологию повести и ее автора. Лишь немногие из них оценили по достоинству подлинно новаторскую поэтику и эстетику повести, написанной в русле сюжетного и повествовательного эксперимента литературной группы «Серрапионовы братья», к которой примкнул Всеволод Иванов сразу после переезда из Сибири в Петроград. Во многих откликах повесть сравнивалась с романом Бориса Пильняка «Голый год», отрывки из которого были напечатаны в том же выпуске журнала. Партийная и пролеткультовская критика была удовлетворена пропагандистским потенциалом повести, ее «полезностью» для агитации в пользу Советской власти. Однако и в Советском Союзе, и в эмиграции нередко обращали внимание на то, что «красная» и «белая» («белогвардейская») линии развивались в ранней редакции равноправно, в сюжетном контрапункте. В позднейших редакциях ощущение равноправности двух линий сменилось однозначным перевесом в пользу «красных». Идеология автора часто прочитывалась как крестьянская или неонародническая («скифская», «эсерская»), что также вызывало сомнения у литературных идеологов страны победившего пролетариата. Отмечали упрощение психологического портрета персонажей, что было принципиально важным для «Серрапионовых братьев». Наиболее проницательные суждения о повести принадлежали участнику этой

---

* Статья написана при поддержке РГНФ (проект № 17-84-01002-ОГН «Классическое произведение о Гражданской войне – “Бронепоезд 14-69” Всеволода Иванова: исторический и литературный контексты»).

Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия), доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630124, Россия, loshch@yandex.ru)

литературной группы, критику и историку литературы Илье Груздеву и поэту-футуристу Алексею Крученых. Оба обратили внимание на диалектическое взаимодействие сюжетных линий повести с внесюжетными элементами (фонетическая заумь, имитация просторечия и акцентов, ономотопея и др.).

Ключевые слова: Всеволод Иванов, советская литературная критика 1920-х годов, эмигрантская критика, «Серапионовы братья», сюжет.

Всеволод Иванов и Леонид Леонов – герои филологических занятий Людмилы Павловны Якимовой в последние десятилетия.

...Имена двух писателей сблизил в 1925 г. Ж. Кессель (1989–1979), ставший впоследствии известным во Франции писателем. (Его роман «Дневная красавица» (1928) экранизировал в 1967 г. Луис Бунюэль.) Обозревательница парижской газеты «Последние известия» писала:

В зале Коллеж де Франс и в театре «Вьё Коломбье» недавно состоялись лекции Жозефа Кесселя на тему: «Путешествие в Россию – современная русская литература». Русский по происхождению, сохранивший глубокую духовную связь с русскими веяниями и культурой, но воспитанный во Франции, Кессель сумел постигнуть сущность новейшей русской литературы и изложить ее главные течения перед иностранной публикой, для которой всё ныне происходящее в России является непроницаемой загадкой. <...>

Касаясь Леонида Леонова и Всеволода Иванова, лектор указал на своеобразную смесь грубых, кровавых и трагических картин и глубоко поэтичных описаний природы, встречаемую в книгах этих двух талантливых молодых писателей. В них бесконечно живо чувство природы и русской родной природы в особенности. От них так и веет черноземом, степью, бесконечными полями.

В своей поэзии рядом с истерическими выкриками и говорком, Есенин поет и русскую мужицкую песню. Так же и Леонов и Всеволод Иванов не отрешились от народного эпоса и сохранили глубокую, сокровенную связь с «избяной Русью». Вот почему так мощно и красочно изобразили они на своем особенном, порой наивном языке картину современной русской жизни, во всем ее ужасе, во всей ее наготе, с ее одичалым оскудевшим народом, с ее богатой, таинственной неисчерпаемой природой [Извольская, 1925, с. 3]¹.

Предлагаемая обзорная статья сфокусирована на ранней редакции, 1921–1922 гг., повести Всеволода Иванова «Бронепоезд 14, 69», известной нам в двух вариантах – журнальном (1921)² и книжном (именно он воспроизводится в качестве основного текста в научном издании повести [Всеволод Иванов..., 2018, с. 42–97]). В первую очередь нас будут интересовать отклики и свидетельства о том, как и в каких контекстах повесть была прочитана в первой половине 1920-х гг.

После 1932 г. текст выходит из-под контроля автора. Е. А. Папкова отмечает:

Редакторская, режиссерская, цензурная правка текстов повести и пьесы Иванова началась уже в 1920-е гг., но в наибольшей степени развернулась со второй половины 1930-х гг. «Когда я думаю о смерти, то самое приятное – думать, что уже никакие редакторы не будут тебе досажать, не потребуют переделки, не нужно будет записывать какую-то чепуху, которую они тебе говорят, и не нужно дописывать», –

¹ Благодарю А. Б. Устинова (Сан-Франциско), приславшего мне копии материалов из парижских и берлинских газет 1920-х гг.

² 29 июня 1921 г. Вс. Иванов писал К. Н. Урманову: «Написал небольшую повестушку “Бронепоезд № 1469”» [Иванов, 2015, с. 318]. В 1920-е гг. написание номера бронепоезда в названии повести было вариативным (№ 1469; № 14, 69; № 14.69; № 14’69; № 14-69). В дальнейшем при цитировании сохраняем написание источника.

с горькой иронией признавался Иванов (запись в дневнике от 20 октября 1939 г.). С этого времени и до конца жизни писателя первые редакции «Бронепоезда» все более уходили на второй план, а читатели и зрители узнавали о произведении из новых, в основном не автором исправленных текстов <...>.

Десять лет повесть печаталась по тексту первого издания (1922). В 1932 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел «Бронепоезд 14-69» с подзаголовком: «Повесть переработана автором для юношества». Насколько правка в повести действительно была авторской, судить трудно: ни рукописи, ни машинописи не сохранились. Советской молодежи предлагался текст, упрощенный и стилистически, и идеологически [Всеволод Иванов..., 2018, с. 24–25].

«Странна твоя дорога, бронепоезд 14-69!» – эта фраза из позднего киносценария (1963), одноименного знаменитой повести [Там же, 2018, с. 202], стала названием статьи Е. А. Папковой в книге «Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи» [Там же, с. 7–39]. В качестве заглавия аналитической статьи (и с многоточием вместо восклицательного знака) эта фраза приобрела дополнительное смысловое измерение: «Большая дорога “Бронепоезда 14-69” в русской литературе XX в. началась с публикации повести в марте 1922 г. в № 1 первого “толстого” литературного журнала Советской России “Красная новь”» [Там же, с. 8].

30 марта 1922 г. «Известия» сообщили: «Вышел из печати № 5 журнала “Красная Новь”. В номере: рассказы М. Зощенко, С. Семенова, Б. Пильняка, Вс. Иванова, В. Вересаева»³ [Без подписи, 1922а, с. 4].

Первой полной публикации [Иванов, 1922в] предшествовали две фрагментарные в известных петроградских газетах [Иванов, 1922а, б].

В разделе «Литературное приложение» газеты «Жизнь искусства» с подзаголовком «Глава из повести “Бронепоезд № 14-69”» была напечатана вторая глава повести, под озадачивающим читателя названием «Чужой земли» [Иванов, 1922а, с. 5] (в книге глава получила более связанное и проясняющее, а не затушевывающее сюжетную предпосылку название: «Человек чужих земель», речь идет о «распропагандировании» партизанами американского солдата).

В «Красной газете» – главка XXIV из шестой главы повести, под названием «Рельсы», с набранной курсивом сюжетной «вводкой», напоминающей изложение действия в программах оперных и балетных спектаклей⁴:

Штабом повстанцев отдано приказание партизанам задержать бронепоезд, спешащий на подавление восстания в городе. Вершинин, начальник отряда, отдал приказание – взорвать мост на путях. Слышен взрыв. У будки стрелочника мужички ждут бронепоезд [Иванов, 1922б, с. 6].

Отдельное издание повести [Иванов, 1922г] вышло в Москве в начале лета 1922 г.: «Книжная летопись» сообщала о нем 1 июля [1922, с. 30], «Советская Сибирь» – 20 июня [Без подписи, 1922б, с. 4]. Еще 14 июня в московских «Вечерних известиях» о выходе книги сообщалось как о свершившемся факте: «Произведе-

³ В 1921 г. вышло 4 выпуска журнала, и на титульном листе первого журнала за 1922 г. было обозначено: «№ 1 (5), январь-февраль».

⁴ В 1955 г. в Большом театре СССР состоялась премьера оперы Д. Б. Кабалевского «Никита Вершинин». Либретто этой помпезной постановки написал по мотивам повести и пьесы Вс. Иванова оперный певец (тенор) и либреттист С. А. Ценин (1903–1978). См.: [«Никита Вершинин», 1955]. Отметим, что первый известный нам опыт переноса действия повести на сцену был не-авторским: подписанная инициалами И. Г. инсценировка «Вершининцы: Картины партизанской жизни», в трех «картинах», с эпилогом [Осенне-летняя работа..., 1923, с. 83–104].

ния Вс. Иванова “Цветные ветра” и “Лога” вышли в издании “Эпоха”, а “Бронепоезд 14’69” издан Главполитпросветом» [Без подписи, 1922д, с. 2].

Писатель был недоволен отдельным изданием рассказа «Партизаны» (М.: Государственное издательство, 1922 [Серия литературно-художественная; Главполитпросвет Наркомпроса РСФСР; № 15]). 24 февраля 1922 г., в день своего рождения, он писал редактору «Красной Нови» А. К. Воронскому: «Какие олухи сидят в Главполитпросвете, и зачем они переиздали “Партизан”. За такие дела я бы дал по физиономии. <...> Я им написал ругательное письмо и боюсь – слишком мягко. Ради создателя, пусть не переиздают “Бронепоезд”. Честное слово, зашибу на месте» [Иванов, 1978, с. 585]. В том же письме, однако, говорилось: «Не хочет ли московский Госиздат издать мой “Бронепоезд”... Если у Вас будет время – переговорите. Только не по журналу, а по рукописи, которую я пришлю – я его переделал. Если издадут в месяц, я согласен» [Там же]. Е. А. Папкова отмечает: «Готовя текст к отдельному изданию, Иванов дает названия главам (в журнале они были обозначены цифрами), переставляет некоторые (третью и четвертую) места, много работает над языком» [Всеволод Иванов, 2018, с. 11]. В журнальной версии, где восемь глав не имели поясняющих сюжет названий, а нумерация главок в каждой главе была отдельной (в книжке она стала «сквозной»: I–XXX), в большей степени, чем в созданной вскоре книжной, ощущается острота эксперимента в области повествовательной техники: «Влияние “Серапионовых братьев”, любивших в литературе фантазию и остроту формы, помогло перенести действие повести на Дальний Восток, написать ее стремительно, большими мазками, возвышенно» [Иванов, 1957, с. 144].

Первые отклики, в соответствии с духом времени, носили идеологический и политический характер, и лишь попутно обращалось внимание на особенности языка и художественной формы. А. Воронский писал автору повести 22 марта 1922 г.: «“Бронепоезд” расценивается среди коммунистов очень высоко. Скоро появится ряд рецензий. В восторге Сталин и прочая именитая публика. Да, это не “лампадка”» [Воронский, 1983, с. 559].

Пролеткультовский критик П. И. Лебедев-Полянский (В. Полянский (1882–1948)) в рубрике «Заметки о журналах» «Печати и Революции» сопоставлял Вс. Иванова и Б. Пильняка, чья публикация «Отрывки из романа “Голый год”» предшествовала в номере «Красной Нови» «Бронепоезду 14.69» (с. 59–74):

Молодой писатель Всеволод Иванов дал прекрасную повесть «Бронепоезд 14-69», хотя она и страдает длиннотами, повторениями и неровностью языка. Эстетическую критику мы оставляем в стороне. Нас интересует идеологическая сторона. Мы прежде всего ценим и глубоко ценим стремление писателя дать коллективную психологию, психологию массы, связанной единым стремлением; массы, в которой каждый человек необходим, как камушек в мозаике. Выкинь его и – останется пустое серое место. И эта масса наша, трудовая, рабоче-крестьянская.

Сила писателя в умении поставить каждый персонаж в этой массе на свое место и заставить говорить его своим языком, живым, а не выдуманным. Эта способность писателя отчасти обуславливается тем, что многое он видел сам и во многом участвовал лично; и может быть занесено немало переживаний и впечатлений, которые навеки останутся в памяти художника, – и, может быть, многие из этой массы, говорят словами самого творца их.

Произведения, подобные разбираемому, удаются не всем и не сразу. А молодой художник вызвал к себе внимание и сочувствие читателя еще «Партизанами», помещенными в одной из первых книжек «Красной Нови».

Мы не беремся высказать окончательное суждение о путях развития творчества В. Иванова, но мы полагаем, что разработка тем, где масса действует и творит, а не выступают отдельные герои, сильные и слабые, – его стихия. Эта масса, как плодо-

родная черноземная глыба, встает перед нашими глазами при чтении повестей Иванова.

Современную жизнь революции глубоко захватывает и другой писатель Борис Пильняк. В нем так же много художественной силы, много наблюдательности, у него есть свое лицо, хотя еще и не вполне определившееся. Но его роднит с В. Ивановым только среда наблюдений.

Б. Пильняк анализирует отдельную душу, перебирая и выясняя переживания современности. <...> В трактовках тем чувствуется интеллигентский подход, и я опасюсь, что Б. Пильняк, при всей своей талантливости, не сможет подняться до тем В. Иванова. Его отдельные герои большею частью страдают интеллигентской психологией, которая писателю так близка и понятна и которой он любит [Полянский, 1922, с. 381].

Публицист и критик М. Лиров (М. И. Литваков (1875–1938)) в журнальном обзоре газеты «Правда» писал:

«Партизаны» и «Бронепоезд № 1469» (Вс. Иванов), отрывки из романа «Голый Год» (Борис Пильняк) и «Лялька Пятьдесят» (М. Зощенко) вызывают неизведанное ощущение: впервые они настоящим образом «у себя», эти рабочие и крестьяне, эти революционные борцы, которые раньше привлекались на литературные подмостки для поучений, для интеллигентского любования, для замысловатых психологических узоров или хотя бы для агитации. <...>

Или необычайный по силе эпизод в «Бронепоезде» Вс. Иванова («Кр. Новь», № 5), когда мужики-партизаны поймали американца из англо-американского отряда. <Далее цитируется и частично пересказывается знаменитый эпизод «распропагандирования» американца. – И. Л.> Вот как необычайно просто с большим художественным проникновением дается социальная подпочва органичной международной «большецкой» революции. Без нарочитости, с ясновидением «второй природы» [Лиров, 1922, с. 3].

Д. А. Фурманов делал акцент на безусловной полезности повести:

Б. Пильняк поместил отрывки из романа «Голодный год». Первые два отрывка («Смерть старика Архипова» и «Кожаные куртки») написаны художественно, дают настроение, а вот что касается остальных – чрезвычайно трудно и понимать и, главным образом, связывать их один с другим – это же только отрывки одного и того же романа, а на самом деле они все вместе впечатление оставляют неопределенное и не дают никакого общего, цельного представления.

Мы уже привыкли от Всева. Иванова получать одну прекрасную вещь за другой: «Бронепоезд 14-69» – одно из его лучших творений. Этот бронепоезд у белых; его задача – курсировать на определенном участке, сокрушать красных партизан... Но пришло и ему время – партизаны осилили бронепоезд: обрызгали его своею кровью и мозгами, а все-таки взяли...

Эпизоды в повести неподражаемы, особенно один – с американцем, попавшим в руки партизан. Дело, казалось бы, конченное: с минуты на минуту ждешь, что толпа разорвет его в своем безудержном гневе... И вдруг, как светлый луч во тьму, – кидается мысль о том, что следовало бы отпустить его, только рассказать сначала, «за что мы боремся». Но американец – ни в зуб толкнуть по-русски, а по-ихнему партизаны – тоже. Да, видно, дело не только в словах: американец понял все, что хотели сказать ему партизаны. Сцена великолепная. Повесть дает представление о целой полосе борьбы еще в то время, когда «остатки колчаковской армии отступали от Байкала в Маньчжурию, по Амуру – на Владивосток» [Най, 1922, с. [115]].

Рецензент газеты «Кооперативное дело» также сопоставлял автора повести с Пильняком:

<...> У Пильняка – пока неуверенная «походка слова». От главы к главе он ступает по-разному. Это, быть может, от молодости. Может быть, и от тяжести поднятой им ноши. Трудно найти настоящие слова для эпопеи наших дней.

Вс. Иванов – ровней, потому, что непритязательней. Он чужд широких, философского характера, обобщений. Он, однако, и не фотограф, безучастно фиксирующий на своей пластинке события. Он видит не только «голубое небо», но и «темно-зеленый ветер» с моря. Любопытен лежащий на его дальневосточных рассказах отсвет Востока. Хорошо изображает он восточного человека [Э. Г., 1922, с. 4]⁵.

Рецензент еженедельника Наркомпроса писал:

Перейдем к беллетристике. Здесь несомненно первое место занимает Вс. Иванов, давший яркую, колоритную и сильную повесть «Бронепоезд № 1469». Как и в «Партизанах» («Кр. Новь», № 1), автор рисует картины борьбы красных партизан с белой армией в Сибири. Повесть написана сочно, выпукло, местами несколько неровно и спешно, местами определенно талантливо. Судить об авторе вообще по двум указанным вещам вряд ли возможно: в сущности, «Партизаны» и «Бронепоезд № 1469» – это только две страницы из великой эпопеи героической борьбы Красной Сибири. Несомненно одно – что эти страницы написаны им с силой и тактом настоящего художника.

Бор. Пильняк становится, очевидно, присяжным беллетристом «Красной Нови»; в отчетной книжке он дал отрывки из романа «Голый Год» [Б. Кр., 1922, с. 14]⁶.

Диссонансом среди похвал прозвучала статья о прозе Вс. Иванова автора повести «Ташкент – город хлебный» А. С. Неверова (Скобелев (1886–1923)):

Молодой писатель Всеволод Иванов написал две крупных повести и рассказ из жизни Сибирской деревни революционного времени. Написал ярко, обнаружил несомненное дарование. Но прочитывая его произведения, чувствуешь: революция тут не причем. Октябрь сам по себе, мужики сами по себе. Порывы революционные у них не от идеи, а все от той же земли. Земля для них круг заколдованный, из которого не могут уйти. Как будто не хотят уйти.

Рассматривая произведения большинства писателей современных и вообще, то получается такое впечатление: революция – только крик, путаница, огонь и кровь, миллионный топот ног, звериный рев. Художникам она дала только пятна, новые бытовые черточки: веселые, грустные. Больше ничего. Прошумели поднятые силы и – всё.

Не всё усмотрел в революции и Всеволод Иванов – автор талантливый, богатый средствами изобразительности. Если выкинуть некоторые признаки из его произведений (внешнего характера), сущность повестей и рассказа нового революционного ничего не дает, является повторением сказанного в литературе не раз. Иногда похуже, иногда получше, чем у него [Неверов, 1923, с. 32].

Вслед за пассажем о повести «Партизаны» Неверов разбирал «Бронепоезд»:

В повести «Бронепоезд № 14-69» повторяются те же мотивы, только в другой разработке, на более широком полотне. Здесь та же стихийная сила мужицкая, не думающая, не рассуждающая. Нутро ее выявляют: Никита Вершинин рыбак больших поколений, Васька Окорок, приисковый рабочий и Пентефлий Знобов, работавший на владивостокских доках. Как и Антон Селезнев <Персонаж повести Вс. Иванова «Партизаны». – И. Л.>, Вершинин тоже земляной человек. Гнев его лезет из земли, которую могут японцы отнять. Дальше пахоты и здесь не развертываются мысли, исключая момента с китайцем. Город, городской пролетариат кажутся Вершинину мыльным пузырем. «С болью во всем теле, оглушая себя, нутряным криком орал. – Не давайте землю японсу! Всю отымем! Не давай!». Вот основа его мыслей.

⁵ Согласно авторам-составителям справочного издания «Литературная жизнь России 1920-х годов», инициалами Э. Г. подписал рецензию критик и поэт Э. Я. Герман (1892–1963), более известный под псевдонимом *Эмиль Кроткий* [ЛЖР, 2006, с. 336].

⁶ Подпись *Б. Кр.* в этом издании принадлежала деятелю просвещения Б. А. Плюснину-Кронину [ЛЖР, 2006, с. 336].

«Свое добро рушишь. Пашню там, хлеба, дома. А это дарма не пройдет. Беспорядку много. Народу сколь портится, а все туман. Разбудили, побежали, а дале что? Кабы настоящи ключи были. А вдруг, паря, не теми ключами двери-то открыть надо. Землю жалко. Японец отымет. Земля то, парень, тверже. Рыбалку брошу теперь, пахотой займусь».

Корявый мужиченко в малиновой рубаше таинственно шептал Вершинину.

– Я ведь знаю, там ничего нету. За такими мудренными словами (интернационал) ничего доброго не найдешь. Слово должно быть простое, скажем – пашня. Хорошее слово.

Вершинину, председателю революционного штаба, нужны другие ключи, настоящие. Он и подчиненные ему мужики в земляном гневе способны лезть на броневик, искрошить себя на куски, но они в кругу заколдованном. Не могут подняться выше пашни. Как ни странно, но и здесь почему-то руководителем партизан оказывается хозяйственный Никита Вершинин, рыбак больших поколений. Молодая деревня у Всеволода Иванова такова: «парни с зыбкими, неясными, как студень, лицами». Они совершенно не обозначены. У них нет своей мысли, нет и внутреннего движения. Воля их выражена волей Вершинина. Вся правда сказана художником? Нет. Так могло быть в какой-нибудь деревне, в отдельной волости, где по тем или иным причинам выдвинулись крупные хозяйственные мужики в качестве руководителей, но не могло этого быть в огромной толще крестьянства. Нельзя художнику все время смотреть в одну щель – многое проглядишь.

Васька Окорок с Певтефлием Знобовым несколько разнятся от мужиков, но они тонут в общей массе, не имеют своего лица. Знобов говорит Вершинину.

– Мы, тюря, по всем планетам землю отыдем.

Окорок:

– Японского Микадо ⁷ колды будут расстреливать, вот завизжит, курва!

Разве это характерно для них? Это авторская шутка, каламбур, подпущенный для «оживления», плохой, не на месте посаженный юмор. Книжные слова упрощены на языке мужиков нарочно, по свойственному для Иванова тяготению смешить читателя местными выговорами.

Из городского слоя, воспринявшего революцию, Всеволод Иванов берет Пеклеванова, прыгающего в окно от жены. Может быть, это тоже героизм, но героизм комнатный, сусальный. А где настоящий пролетариат? Если верить Вершинину, городской пролетариат – мыльный пузырь. Здесь с молодым художником случилась «обыкновенная история». Он имеет сильную склонность к рассуждениям, к философии аля-Горьковских героев, и слова, сказанные Вершининым о «настоящих» ключах и о «мыльном пузыре», сказаны не Вершининым, а самим автором, чтобы навернуть на Вершинина нечто такое особенное... <...>

Нельзя величайшую эпоху рассматривать с плоскости отдельных фактов. Недостаточно слабых намеков, лирических отступлений, необходимо найти стержень, костяк революции. Молодой писатель знает это. Хватит у него силы сказать это по-своему, твердым, крепким словом. Чувствуется. Без этого же лицо художника становится мелким, пропадает за ярко выписанными пятнами, не волнует, не подчиняет себе так, как это могли делать старые большие художники. Скоро забывается то, о чем он пишет. Живет долго только идея, художественно-претворенная, но не форма без идеи, хотя бы самая великолепная.

Примеры излишни.

Надо преодолеть старый заколдованный круг, посмотреть на деревни и революцию с другой стороны. Найдется кое-что и новое [Неверов, 1923, с. 33–34].

На крестьянский характер творчества Вс. Иванова указывал и Н. Осинский (В. В. Оболенский (1887–1938), партийный деятель, экономист и публицист), полнотой оправдывая его литературными достоинствами повести:

---

⁷ Неверов исправил сохраненное в журнальной и книжной версиях авторское написание «мидако» вместо «микадо».

Но вот писатель вполне цельный, хотя тоже далеко не созревший – Всеволод Иванов. К рабочим последний никакого отношения не имеет, темы его – чисто крестьянские. Так как он хорошо знает новое крестьянство, так как сам он, очевидно, человек новый, сложившийся в ходе революции, то его натурализм не означает одностороннего выпячивания только заскорузлой дикости; он означает сделанное широкими штрихами, в аршинных размерах, резкими красками описание *революционного* крестьянства и крестьянства вообще. Всев. Иванов, между прочим, крайне характерен (по нашему читательскому мнению), как образчик переходного звена между манерой футуристской и натуралистической. <...>

Иванов ближе всех и здоровее всех подошел к описанию революционного (крестьянского) быта. Он был, очевидно, в самом котле революционной стихии, видел массу в *движении*. <...> Его не только швыряла с собой революция, проталкивая насильственно через огонь, воду и медные трубы, он сам шел с ней, ломая преграды.

Поэтому его несколько растянутый «Бронепоезд», с излишними деталями, повторениями, с неряшливым стилем – все же летит по рельсам, звеня и качаясь. И читатель видит воочию всех его героев, хотя их контуры очерчены обрывисто и неряшливо: и политика Незеласова, и прапрощика Обаба, и задерганную команду поезда, и Вершинина, и китайца Син-Бин-У, и диковатых, заскорузлых, лезущих напролом, но здоровых, осмысленных мужиков (совсем не таких, каких только видит М. Горький).

Всев. Иванов не пролетарский, а крестьянский писатель, но это настоящий, крупный писатель, такой, из писаний которых уже может складываться литература. Возрождение ее имеет залог в появлении таких людей, как Иванов [Осинский, 1922, с. 5].

Ему вторил пролеткультивец Г. Лелевич (Л. Г. Калмансон (1901–1937)):

...и в «Партизанах», и в «Бронепоезде» Иванову по-настоящему удалось лишь изображение мужицкой стихийной партизанской революции, но тем не менее это были бодрые, молодые, подлинно-революционные вещи [Лелевич, 1924, с. 41].

Критики в эмиграции тоже сопоставляли Вс. Иванова с другими авторами «Красной Нови»:

Всев. Иванов – тоньше <По сравнению с Аросевым. – *И. Л.*>⁸. Он литературно воспитанней. Он и объективней. Даже в своей явной вражде к народу он умеет быть экономным, оберегаясь неосторожной грубости, тщаась остаться только живописующим наблюдателем.

Точно также остерегся он от слишком явных проявлений своей вражды и к этому белому капитану Незеласову, начальнику Колчаковского бронепоезда № 14-69 [Пильский, 1922, с. 2].

Поэт и журналист И. И. Садофьев (1889–1965) оппонировал в советской газете:

Иванов Пильскому любезнее потому, что:

“он остерегся от слишком явных проявлений своей вражды к белому капитану Незеласову, начальнику бронепоезда № 1469”.

А это для Пильских самое главное. Вс. Иванов больше всего, разумеется, заслужил себе у Пильского и заслуживает снисхождения и внимания своей воспитанностью. Своим непрявлением вражды к белым капитанам, а также и...

Что же, – ласковый теленок двух маток сосет [Садофьев, 1922, с. 6].

---

⁸ Характеристике повести и ее автора предшествовал в рецензии пассаж, посвященный циклу очерков А. Я. Аросева «Недавние дни», напечатанному в следующей книжке журнала (Красная Новь. 1922. № 2 (6). С. 52–86).

Рецензент берлинской газеты писал:

«Бронепоезд» Вс. Иванова, обративший на себя внимание критики – бесформенное – скорее пестрое по форме произведение, невыдержанное в смысле «стиля».

Реалистический импрессионизм перемежается в «Бронепоезде» с натуралистическими и старо-реалистическими приемами. Тут и от Бунина, и от Горького, и от литературных новинок европейской литературы, Барбюса. <...>

В «Бронепоезде» Иванова большая часть фигур эпизодична. Промелькнет и исчезнет.

У Пильняка почти все рассказы построены на сплетении эпизодов, связанных между собой механически, внешне, случайно [С. К., 1923, с. 3]⁹.

Осенью 1922 г. «Бюллетень книг» поместил аннотацию на отдельное издание повести:

<<«Бронепоезд № 14, 69»>> – новые страницы художественного отображения борьбы русского крестьянства за мировую пролетарскую революцию.

С первого взгляда кажется, что это парадокс, но, читая одну за другой страницы книжки, начинаешь живо ощущать связь партизанской борьбы Сибирского крестьянина с мировыми сдвигами хозяйства и быта людей.

Кто эти партизаны, лобовой атакой берущие белый бронепоезд? За что они идут тысячами умирать?

«Зачем идешь?» – спрашивает один из них другого.

«Землю жалко, – японец отымет», – отвечает спрашиваемый.

«А Интернационал-то?».

«Я ведь знаю, что там ничего нету. За таким мудреным словом никогда доброго не найдешь».

Есть и другие.

«Земли твоей нам не надо. Мы, тюря, по всем планетам землю отыдем и трудящимся массам – расписывайся».

Есть и такие, как китаец Син-Бин-У, для которых прошлое – неизживное горе, настоящее – месть за прошлое, сочетавшаяся с верой в лучшее будущее.

Но и те, кто идет бороться за землю, сомневаясь в Интернационале, и те, кто живет ощущением новых небывалых широт, и те, кто разрушает от тоски и горя, – все они идут и умирают просто, спокойно, насквозь проникнутые ощущением своей связи с жизнью.

И хотя говорят эти люди:

– Жалко тебе?

– Чего?

– Люди мрут.

– Чего народ-то жалеть. Новый вырастет.

– Будут же после нас люди хорошо жить?

– Это их дело.

Чувствуют: «Им надо идти дальше, на то они и люди».

«Человек одрожит – он тоже лист на дереве, огромном и прекрасном. Его небо и его земля<, > и он – и он небо и земля».

Космические ощущения и наивно дикарские рассуждения, героизм и стремление спасти от разгрома своего петуха – все гармонично сочетается в этой прекрасной вещи.

Некоторые страницы должны стать хорошо известными каждому читающему, войдут во все школьные хрестоматии; таковы сцены с «человеком чужой земли», смерть китайца Син-Бин-У, картина митинга у партизан.

Несколько схематично и беспочвенно сделана только фигура прапорщика Обаба.

---

⁹ По убедительному предположению А. Б. Устинова, инициалами С. К. в этом случае подписал свой материал С. Ю. Кулаковский (S. Kulakowski (1892–1949)), русский и польский историк литературы, доцент Киевского и Петербургского университетов.

<<«Бронепоезд № 14, 69»>> должен быть во всех библиотеках, читаться во всех школах.

Революция <19>17 г. начинает находить своих подлинных художников.

Издана книжечка очень хорошо [Без подписи, 1922г, с. 49].

В краснодарском журнале «Огни»:

Вс. Иванов один из наиболее ярких и талантливых Серапионовцев. Его повесть «Бронепоезд № 14-69» – эпизод из истории народного восстания на Дальнем Востоке. На маленьком кусочке исторической канвы Вс. Ивановым вышиты не сложные, но чрезвычайно оригинальные и яркие жизненные узоры. Здесь и весьма своеобразное мирское понимание сибиряками-партизанами – социальной революции, и интернационала, и коммунистической пропаганды. Колоритные фигуры затронутого разрезающим анализом сомнения в правоте своего дела, смятенного душой командира бронепоезда капитана Незеласова, и не сомневающегося ни в чем тупого и никчемного прапорщика Обаба, и вождя партизанов Никиты Вершинина, смелого и удачливого рыбака, общественного, чуткого к правде человека, и его казначей Васьки Огорока, и рабочего Пентефлия Знобова и тоскующего китайца Син-Бин-У.

Живы и ярки картины партизанского похода и пленения страшного бронепоезда. В этих картинах много солнца, воздуха, насыщенного морем ветра и далекой сибирской природы Приморья.

Контрастно сопоставление старого побеждаемого мира, мира капитана Незеласова и прапорщика Обаба, людей, обреченных небытию, потерявших стержень жизни, тоскующих и смятенных, и людей грядущего мира – партизанов Вершинина, разоренных крестьян, бросивших свои пепелища и ушедших на кровавую борьбу за правду и на поиски счастья и земли, которые по праву принадлежат им.

Повесть, несмотря на изобилие местного колорита, читается легко и оставляет сильное впечатление [Без подписи, 1923, с. 18–19]¹⁰.

Харьковская «Наша неделя» включила повесть в список «Что нужно прочесть по художественной литературе» [Без подписи, 1922в, с. 8].

Критик Л. Я. Гуревич (1866–1940) писала о Вс. Иванове и о его повести после пассажа, посвященного Пильняку («На первом месте рассмотрим Бориса Пильняка: он старше, популярность у него значительная» [Гуревич, 1923, с. 13]):

Совсем в другом роде талант Всеволода Иванова, который начал печататься только в самые последние годы. Родом он – сибиряк, из рабочей семьи, самоучка. Исходил он Россию на сотни и тысячи верст; был наборщиком, матросом, балаганным актером, борцом, красногвардейцем. В прошлом году примкнул к группе молодых петербургских писателей, именующих себя «Серапионовыми братьями». Некоторые сравнивают Всеволода Иванова с Горьким. По-моему, это не верно: Иванов – органичнее, почвеннее, непосредственнее Горького, у которого в первых же вещах проглядывала известная рассудочная идеология. У Иванова – никакой рассудочно-оформленной идеологии, но зато бьет ключом силища таланта, еще неуравновешенного, неустановившегося в определенной художественной манере. Пишет он много, слишком много, как человек дорвавшийся, наконец, до возможности открыть клапаны своей кипящей души. У него яркий художественный темперамент, необычайная острота внешних чувств – широко открытые навстречу впечатлениям жизни глаза, уши, ноздри, – и превосходный красочный словарь, обогащенный местными народными говорами. В самой гуще революционных событий, когда впору думать о том только, как бы спастись, он, как истый художник, замечает, что пристывшая к снегу кровь «похожа на линиялый, изъеденный молью бархат». И все, что он переиспытал за тяжкие годы гражданской войны и что, казалось бы,

¹⁰ Этот неподписанный материал принадлежал перу журналиста П. В. Грацианова [ЛЖР, 2006, с. 407]. Еще один указанный в этом издании отклик, статья А. И. Зонина «Литературные заметки: Всеволод Иванов» (Новый мир (Ташкент). 1922. № 4/5), остался для автора статьи недоступным.

самою безмерностью ужасов и страданий должно притупить всякую впечатлительность, вовсе не ослабило в нем способности схватывать и закреплять в слове самые разнообразные оттенки красок, звуков, запахов во внешнем мире, самые смутные, едва расчленимые движения несложных человеческих душ.

Утонченным психологическим анализом Всеволод Иванов не занимается, культурных, интеллигентных людей не изображает, но, изображая жизнь людей темных, серых, первобытных, он часто делает это, силою своего художественного инстинкта, так, как может сделать, казалось бы, только человек глубокой культуры¹¹. Прочтите повести его «Партизаны» и «Бронепоезд 14.69». Какая простота и четкость изображенья, какая непогрешимая органическая логика в развитии и нарастании событий и какая содержательность самого письма. Перед нами движутся человеческие, массы – и массовые сцены передаются Ивановым с такою силою, что порою вспоминаешь Толстого. Беглыми словами запечатлены у него своеобразные ощущения толпы или же чувства, мысли незаметных, на минуту вынырнувших из этой толпы и сейчас же вновь потонувших в ней людей. «Ощущение стыда и далекой какой-то, таящейся в ногах злости не проходило». «Все чувствовали тоскливое томление, похожее на голод». Так передает Иванов ощущения толпы перед схваткою с врагами в гражданской войне. «А вы целомудрие наблюдайте душевное. Не волнуйтесь», говорит кто-то, на минуту поднявшийся над массой, которую начинает забирать панический страх... А вот из разговоров по поводу гражданской войны двух несхожих между собой людей: «– Беспорядку много. Народу сколько тратится, а все в туман... У меня, Сенька, душа пищит, как котенка на морозе бросили... – Пустяковину все мелешь. Чего народу жалеть! Новый вырастет». «...Вершинин сипло ответил: – Кабы настоящие ключи были. А вдруг, паре, не теми ключьями двери то открыть надо...»

Какое простое и глубоко содержательное письмо... Но Всеволод Иванов не равен себе. Некоторые вещи его, как две названные повести, словно проредактированы бережной и опытной рукой – и достигают высокого художественного совершенства. В других как, напр., в повести «Цветные ветра» (Изд. Эпоха, Петр. 1922 г.) или романе «Голубые Пески» (последние №№ «Красной Нови»), он мечется, расплескивается, излишествует в словах. Густой язык его становится порою вязким, некоторые эпитеты и сравнения принимают слишком произвольный, субъективный или даже искусственный характер. Реализм изображения переходит то в крайний натурализм, то в романтику. Человеческие фигуры перестают казаться живыми,

---

¹¹ М. Л. Слоним 10 лет спустя отмечал склонность молодого писателя к принципиальному для «серапионов» упрощению в изображении психологии: «...его перестали удовлетворять насуп раскрашенные, несколько по-азиатски красочные плакаты, которые он писал в молодости и в которых было столько же свежести, сколько и примитивности» [Слоним, 1933, с. 72–73]. Ранее автор давал интерпретирующий пересказ эпизода повести:

Его любимыми героями были люди не только сбитые из одного куска духовно, но и физически являвшиеся крепкими экземплярами рода человеческого.

Партизан Знобов, попав во Владивостоке в большевицкий тайный штаб, увидел председателя Пеклеванова: «впалая грудь, говорит слабым голосом, глаз тихий – и в очках... Знобову вдруг захотелось увидеть начальником здорового бритого человека и почему-то с лысиной во всю голову... На столе валялась большая газета, на ней хмурый черный хлеб, мелко нарезанные ломтики колбасы, а поодаль, на синем блюдечке, две картошки и подле блюдечка кусочек сахара. “Птичья еда”, подумал с неудовольствием Знобов». И когда Знобов, опуская на стол томящиеся силой руки, разговаривает с Пеклевановым, он не знает всяких хитросплетений и просто рассуждает о необходимости восстания: «мир пойдет, мужик хочет», на что получает строгий окрик Пеклеванова: «эсеровщины в вас много, товарищ Знобов, землей от вас несет».

Землей несет от всех героев и героинь Иванова. Они близки ей, и она «сладостно прижимает своих сынов». Мужики у Иванова большедельные, кряжистые, женщины тугобедрые и полногрудые. Они не болеют неврастениями, крепко едят, жарко любят и бьют без промаха [Там же, с. 66–67].

превращаются в жуткие фантастические видения, в гротеск. Но сквозь всю эту невыдержанность художественного стиля прорывается неумная сила таланта; проносятся удивительные по яркости картины индивидуальной и массовой жизни; посреди страниц темных, образов смутных и загадочных вдруг загораются строки чарующей поэтической свежести и красоты:

«Шагом легким, звериным обойду я землю и возвращусь туда, откуда пришел» («Цветные ветра»).

Всеволоду Иванову надо только пожелать, чтобы он сохранил свою художественную непосредственность – выдержка и внешнее мастерство наверняка разовьются у него в совместной работе и общении с «Серапионовыми Братьями». Ведь все они сошлись на любви к искусству, к культуре человеческого слова. Иванов – самый сильный, но зато наименее вышколенный из них. Другие, впрочем, тоже еще не устоялись: молодые дарования их бродят, ищут форм для своего проявления, бросаются от рассказа из жизни животных к драме, от стилизованной маленькой эпопеи на библейскую тему к юмористике, к трагедии, к полуфантастической хронике в духе Теодора Гофмана. Некоторые из них напечатали еще так мало, что о них пока лучше не говорить. Но Мих. Зощенко, Н. Никитин и Конст. Федин имеют уже определенную литературную физиономию, по крайней мере – в области рассказа или «сказа» [Гуревич, 1923, с. 14–15].

В берлинской рецензии Роман Гуль писал:

Вещь сделана словно наспех, впопыхах. Недоконченности, отрывки, обрывки. Не писатель, а пулемет. Но в этом не минус вещи, не минус Иванова. В отрывчатости скрылись – живость и трепет. «Бронепоезд» – захватывающе-интересен. Раскрыл, читаешь, до конца не оторвешься. А «магнетизм» книги ценнее всех колоратур ритмической прозы и фокусов изограмм. Хороший художник Иванов. Пишет совсем просто, даже небрежно, а у читателя впечатление сильное и сложное. Бывает наоборот: у писателя написано, ух, как сложно! – а у читателя вместо впечатления пустое место. «Магнетизм» книги – полнокровность таланта автора. Такой полнокровностью дышит «Бронепоезд».

Это не повесть в обычных смыслах. Художественный обрывок русского батального полотна гражданской войны. Центр вещи не в отдельных фигурах, психологиях. Центр – в передаче массового действия. И еще в – ощущении гражданской войны. Изумительно верно и тонко передал Иванов тоску этой войны и в кап.<итане> Незеласове и в Никите Вершинине, в Обабе, в солдатике «в голубых обмотках», в беженке, «подпоясанной бичевкой». Кто жил в ней, – знает, как сладко «сосет под ложечкой», когда медленно останавливаются каждые полчаса и вот-вот совсем оборвутся... Кто не знает, прочтя, поймет.

Хорошо и крепко сделаны Ивановым – партизаны. Это его сибирская специальность, *couleur local*. Правда, иногда, сочный партизанский диалог чуть-чуть подводит Иванова к анекдоту. Хорошая «сделанность» заменяет меру правдоподобности. Как пример, – случай с американцем. Но<,> в общем, партизаны великолепны!

Есть одно темное, совсем несделанное место в этой яркой книжке. Говорю о конце, о смерти кап. Незеласова. Перо Иванова здесь ослабло. Отрывочности чересчур много. Крепкого узла, которым была бы связана повесть, – нет. Смерти Незеласова не чувствуешь, она художественно не передана. И неплохо было бы «Серапиону» вспомнить здесь – каренинскую «сумочку». Яркий во всем крестьянско-бытовом, Иванов с психологическим моментом не справился.

Исключительно-крестьянское хочется подчеркнуть в повести. Хотя она издана Главполитпросветом Госиздата, но правоверному марксистскому критику из «Печати и Революции» непременно следовало бы пожуричь Иванова за мелкобуржуазное бунтарство партизан. «Идеологии» нет. Вся – в Васье Окороче.

«Окорок растянулся на песке рядом с китайцем<,> и, взрывая ногами песок, сказал:

– Японскова мидако колды расстреливать будут, вот завизжит, курва! Патеха – а!.. Не ждет, пади, а, Сенька? Как ты думаешь, Егорыч?»

Такой «романтизм», конечно, в стиле скифов!
Художник Иванов очень талантливый. Дай Бог его перу не устать! [Гуль, 1922].

Поэтесса и критик Е. Я. Стырская (Фурман (1898–1947)), жена Э. Кроткого¹², во время своей первой поездки в Германию писала в обзоре советской литературы:

Всеволод Иванов, хитро улыбаются ваша шевелюра и ваши баки при этих словах. Алтайские сказки лилово-оранжевыми переливами заливают «Седьмой берег» и черная киргизка выкармливают русское, полковое «Дитё», за счет собственного киргизенка. И так самоотверженно и по-божески просто умирает узкоглазый китаец – Син-Бин-У на узкоколейной русской железной дороге, под колесами поезда. Умирает за русского матроса, за русскую революцию, где-то за Владивостоком, совсем близко от Китая. И позолоченный «Будда» валяется на разьеженных монгольских полях, привезенный по советскому мандату, в советской теплушке.

Пестрые малахаи монголов, узкие глаза китайца и корень счастья, китайский корень шень-жень – не туманят моих глаз, хоть эта пестрога, пряная, красочная, колониальная, так увлекательна.

Кровь, смерть, революция, побои, жестокость. И самоотверженность, и героизм, простой, ежедневный героизм, по-русски поданы, по-русски оправданы, по-русски шагают лениво, – уверенно и твердо по бесконечным «Голубым пескам» Туркестана и пр. окраин С.С.С.Р. Где уж отгладить прочную, прямую, европейскую складку на крестьянских штанах «Партизан» [Стырская, 1924, с. 6].

В 1922 г. вышла статья о Вс. Иванове «серапиона» («Брата-Настоятеля») И. А. Груздева (1892–1960). «Скупое и трезвое повествование “Партизан” и “Бронепоезда”» [Груздев, 1922, с. 25] стало здесь предметом внимательного разбора:

Рассказы Всеволода Иванова недостаточно только понимать, нужно слышать те интонации, которыми обмениваются его персонажи. <...> Характерный говор и «народная этимология» не так существенны здесь; Всев. Иванов достигает осязаемой интонации и проще: паузами, расстановкой слов, иногда легким фонетическим изменением их. <...>

И не случайно так многоязычны действующие лица его рассказов и повестей.

Сибиряки, киргизы, китайцы, японцы, сербы, мадьяры, американцы, – Всеволод Иванов сталкивает их говоры в самых различных комбинациях.

«После митинга Никита Вершинин выпил ковш самогонки и пошел к морю. Он сел на камень подле китайца, сказал:

– Подбери ноги, штаны измочишь. Пошто на митингу не шел, Сенька?

– Нисиво, – проговорил китаец, – мне ни нада... Мне так зынаю – зынаю псе... шанго.

– Ноги-то подбери!

– Нисиво».

Мне думается, что самое развитие сцен у Всев. Иванова часто определяется «фонетикой», подобно тому<,> как рифма иногда определяет содержание стиха. Вот глава из «Бронепоезда № 14.69», которая никак не двигает действие и которая в композиционном отношении имеет самое несущественное значение. Суть ее в диалоге, в противопоставлении острого пискливого акцента японца с раскатистой русской речью, и превосходное изображение японца<,> в сущности<,> только ремарка к этому диалогу:

«На улице Знобов увидел у палисадника японского солдата в фуражке с красным околышем и в желтых гетрах. Солдат нес длинную эмалированную миску. У японца был жесткий маленький рот и редкие, как стрекозы крылышки, усики.

¹² См. биографический очерк о ней: [Соболев, 2013, с. 355–378]. Об отношениях Е. Стырской и Вс. Иванова: [Там же, с. 358–359].

– Обожди-ка! – сказал Знобов, взяв его за рукав. Японец резко отдернул руку и строго спросил:

– Нью?

Знобов скривил лицо и передразнил:

– Хрю! Чушка ты, едрена вошь! К тебе с добром, а ты с хрю-ю. В Бога веруешь?

Японец призакрыл глаза и из-под загнутых, как углы крыш пагоды, ресниц, оглядел поперек Знобова – от плеча к плечу, потом оглядел сапоги и, заметя на них засохшую желтую грязь, сморщил рот и хрипло сказал: – Русика сиполочь! Нью?.. И, прижимая к ребрам миску, неторопливо отошел. Знобов поглядел ему вслед на задорно блестящие бляшки пояса и сказал с сожалением:

– Дурак ты, я тебе скажу!»

Я далек от желания излишне преувеличить значение «фонетики» в творчестве Всева. Иванова, но думаю, что именно этот фактор имеет для него некое организующее значение.

Колоритный язык, – несложный характер. При психологическом углублении не до речевой отделки, – в таких закономерностях есть какая-то мудрая экономия художественных сил.

Ерма из рассказа «Синий зверюшка» «мысль имеет тяжелую», ищет «мужиничества». Томится Аксинья из рассказа «Лога», душа у ней «гниет»... Все это – психологические положения, и несложность их, статичность мотивируется примитивностью их природы. А в тех случаях, когда требуется психика более бурная и интенсивная, Всева. Иванов тянется также к примитивам или же берет человека в состоянии аффективном, полуживотном, в предсмертном ужасе или в ярости нападения.

Тогда его герои говорят вязко, растерянно, затрудненно или же режут нечленораздельно:

«Мужики ревели:

– О-а-а-а-о!!...

Травы ползли по груди, животу. О сучья кустарников цеплялись лица, путались и рвались бороды и из потного мокрого волоса лезли наружу губы:

– О-а-а-а-о-о!»

Это «мужики». А вот их враги – офицеры бронепоезда:

«На рассвете капитан вбежал в купэ Обаба. Обаб лежал вниз лицом, подняв плечи, словно прикрывая ими голову.

– Послушайте, – нерешительно сказал капитан, потянув Обаба за рукав.

...Веки у Обаба были вздутые и влажные от духоты, и мутно и обтрепанно глядели глаза, похожие на прорехи в платье.

... Я хочу... получить из дому... А мне не пишут... Я ничего не знаю. Напишите хоть вы мне его... прапорщик!

...Обаб вскочил, натянул дрожащими руками большие сапоги, а затем хрипло закричал:

– Вы мне по службе, да! А так мне говорить не смей! У меня у самого... в Барнаульском уезде...

– ...Вы поймите... Обаб<>

– Не по службе-то!

– Я прошу...

Прапорщик закричал:

– Не хо-очу-у!..

И он повторил несколько раз это слово, и с каждым повторением оно теряло свою окраску; из горла вырывалось что-то огромное, хриплое и страшное, похожее на бегущую армию:

–О-о-а-е-ггы!»

Психологически-сложные сцены из повести «Бронепоезд» – те, в которых на первом месте не примитивные эффекты, а сложность чувств, борьба их – тоже сильны и выдержанны, но стоят уже на границе мелодраматизма [Груздев, 1922, с. 24–25].

Сравнивая «Бронепоезд» с другой повестью Иванова, «Цветными ветрами», Груздев подчеркивал значение контрапункта и сюжетной механики партизанских повестей:

В этой мифологической раме – знакомое нам повествование: эпизоды гражданских войн в Сибири.

Как и в прежних рассказах – два враждебных стана. Это определяет сюжетное развитие. Задача автора: постепенно сближать два плана и в конце дать какое-то разрешение. <...> Равномерно и строго развивается сближение двух планов в «Бронепоезде». Может быть, несколько громоздко, с постоянным возвращением к оставленной нити.

В повести «Цветные ветра» больше движения. Она пестрит людьми, пестрит и главами. Это дает возможность держать оба плана в постоянном соприкосновении, пока один план, как и в «Бронепоезде», не покрывает собой другой. <...>

Скажут: идеология автора!..

Может быть.

А может быть просто – сюжетное разрешение [Груздев, 1922, с. 25–26].

Приведем в заключение обзора посвященные повести фрагменты брошюры А. Е. Крученых, выпущенной в 1925 г.

В статье «Литературное Сегодня» (Русский Современник I) Ю. Тынянов отмечает:

«Недаром всплыла экзотическая сибирская деревня Всеволода Иванова и Сейфуллиной. Всеволод Иванов... владеющий диалектизмом, строящий стиль на богатой лексической окраске. Таковы его “Цветные ветра”, где тема – крестьянский бунт – дана в буйной, почти заумной лексике, не нуждающейся в значении: “Уй-бой”. Всеволод Иванов – писатель малой формы, вернее, расплывчатой формы, которая держится ярким словом. Как только он уходит от своего буйного словаря, – большая вещь ему не удастся, – обнажается серый, тянущийся сюжет (“Голубые пески”»).

Общность произведений Сейфуллиной и Вс. Иванова прежде всего этнографическая: быт сибирской деревни, общие киргизско-монгольские персонажи с их родным языком, и свойственное обоим авторам сопоставление словарей: современно-революционного и областного-жаргонного.

Сибирская экзотика дается не в обычной для аборигенов форме, но в виде новинки для чужестранцев, поэтому как у Вс. Иванова, так и у Сейфуллиной чисто фонетическая запись речи инородцев (воспринимаемая, как нарушение говора на фоне обще-литературного русского языка повестей; так сибиряку же, особенно киргизу, нарушением показался бы московский говор). <...>

Вс. Иванов любитель словечек, а тем паче крепких, похабных.

Но их-то я цитировать не буду – провокация Вс. Иванова слишком ясна!..

Вот разговоры простонародья в плане «нелепости»:

Парень, моргая выцветшими от морской соли ресницами, сказал робко:

– Где к японсу? Свово б не упустить. У японса-то, бают, мо-оря... А вода их горячая, хрисянину пить нельзя.

– Таки же люди, колдобойна!

– А пошто они желты? С воды горячей, бают?

На всем протяжении повестей, для создания большей сумятицы, происходит какая-то мешанина диалектов – чисто русского, областного и ломанно-монгольского.

Иногда это звучит от имени действующих лиц рассказа:

Вершинин остановился и сказал Ваське Окороку:

– Японец для нас хуже барсу (тигр). Барс-от допреж, чем манзу жрать (китаец, обл.), лопотину (одежду) с него сдерет. Дескать, пусть проветрится, а японец-то разбираться не будет – вместе с усями (род китайск. обуви) слопает.

А иногда два диалекта мешаются в голове автора. Вот лирический кусок:

Эта история длинная, как Син-Бин-У возненавидел японцев. У Син-Бин-У была жена из фамилии Е, крепкая манза (хижина), в манзе крашенный теплый кан (деревянные нары, заменяющие кровать) и за манзой желтые поля гаоляня и чумизы (род китайского проса, употребляемого в пищу).

А в один день, когда гуси улетели на юг<,> – все исчезло. Только щека оказалась проколота штыком.

Сии-Бин-У читал Ши-цзинь (книга стихов, чтение которой указывает на хорошую грамотность), плел циновки в город, но бросил Ши-цзинь в колодец, забыл циновки и ушел с русскими по дороге Хуан-ци-цзе (дорога Красного знамени, восстаний).

И еще:

У пришиби яра (крутой скалистый берег) бомы (камни, преграждающие течение потока) прервали дорогу<,> и к утесу был приделан висячий, балконом, плетеный мост. Матера (главная сила струи потока) рвались на бом, а ниже в камнях билась, как в падучей, белая пена стрежи (сильнейшие струи матеры) потока.

Переводы эти автор делает в сноску, исключительно для читателей. Ему же нужна только звуковая сила этих имен и названий, почему некоторые словечки так и остались непереусленными.

«У Вс. Иванова Сибирь экзотична. О ней и о людях ее читаешь, как об Австралии».

Так воспринимает творчество Иванова А. Воронский («Литературные силуэты». Красн. Новь).

Отсюда один шаг до чисто заумных слов, каковые широко вливаются в повести Вс. Иванова.

Напр., во время взятия бронепоезда:

Крутился потолок... и гудел не переставая паровоз:
– А-у-о-е-е-е-и.

Для тревоги – особенный, необычный звукоряд, кончающийся ущемленными е-и-н.

За заумными речениями автором признается большая выразительная сила; вот пример, где несколько звуков выражают целую армию:

Прапорщик закричал:
– Но хо-очу-у!..

И он повторил несколько раз это слово, и с каждым повторением оно теряло свою окраску; из горла вырывалось что-то огромное, хриплое и страшное, похожее на бегущую армию:

– О-о-а-е-ггы!

Вследствие такого пристального прислушивания к каждому звуку, куски и детали наиболее отделаны Вс. Ивановым и всплывают как самоцель на общем фоне его повестей, по сюжету туманных и спутанных – они не протокол быта и не конструкция, а, скорее, испорченная фотография!

Герои Вс. Иванова едут неизвестно куда, в неизвестной местности встречаются с людьми, говорящими странные фразы на мало понятном языке, и таким образом у читателя остается ряд фактиков и анекдотов, не связанных друг с другом, и в этом хаосе героев – мужчин, косноязычных и очумелых от напряженной работы, голода и страха перед будущим, изредка всплывает женщина [Крученных, 1925, с. 18–19; 23–25].

Наиболее пронизательными и близкими к сегодняшнему пониманию эстетики повести в ее первоначальном виде («образчик переходного звена между манерой футуристской и натуралистической» [Осинский, 1922, с. 5]) были, кажется, «сера-

пион» И. Груздев и «заумник» А. Крученых, разглядевшие в ней литературный шедевр – конденсат жизненного и литературного (сибирского и петроградского) опыта двадцатилетнего автора – и подчеркнувшие смелый опыт в организации сюжета (контрапункт «красной» и «белой» линий), периодически заслоняемого «большими мазками» ярчайшей словесной живописи.

Список литературы

- [Без подписи] Литературная хроника // Известия. 1922а. № 72 (1511), 30 марта. С. 4.
- [Без подписи] Культура, литература и искусство. В Москве // Советская Сибирь. 1922б. № 134 (784), 20 июня. С. 4.
- [Без подписи] Что нужно прочесть по художественной литературе // Наша неделя: Приложение к газете «Пролетарий» (Харьков). 1922в. № 7. С. 8.
- [Без подписи] [Аннот. на:] Вс. Иванов. Бронепоезд № 14, 69. Главполитпросвет. Гос. Изд. М. 1922 г. Стр. 78. (Цена не обозначена) // Бюллетень книги. 1922г. № 5–6, авг.-окт. М.: Главполитпросвет. С. 49.
- [Без подписи] Новые книги // Вечерние известия (М.). 1922д. № 21, 14 июня. С. 2.
- [Без подписи] [Грацианов П.] [Рец. на:] Вс. Иванов. Бронепоезд № 14-69. Повесть 78 стр. Изд. Главполитпросвета. Госиздат. Москва 1922 г. // Огни: Литературно-художественный двухнедельник (Краснодар). 1923. Кн. 2. С. 18–19.
- Б. Кр.* [Плюснин Б.] Обзор журналов. «Красная Новь» № 1 (5) Январь-Февраль 1922 г. Стр. 352. Ц. 90 к. довоенн. // Народное просвещение: Еженедельник Народного Комиссариата по просвещению. 1922. № 101, 3 мая. С. 14.
- Воронский А. К.* Из переписки с советскими писателями / Вступ. ст. и публ. Е. А. Динерштейна // Литературное наследство. М.: Наука, 1983. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. С. 531–617.
- Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / Отв. ред. Н. В. Корниенко; сост. Е. А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.
- Груздев И.* Всеволод Иванов // Книга и революция. 1922. № 6 (18). С. 24–26.
- Гуль Р.* [Рец. на:] Вс. Иванов. Бронепоезд № 14,69. Повесть // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 11–12. С. 11–12.
- Гуревич Л.* О современной русской литературе: Новые всходы // Свирель Пана. 1923. № 1. С. 13–15.
- Иванов Вс.* Чужой земли (Глава из повести «Бронепоезд № 14-69») // Жизнь искусства. 1922а. № 6 (829), 7 февр. С. 5.
- Иванов Вс.* Рельсы (Глава из повести Всев. Иванова – «Бронепоезд № 14.69») // Красная газета (Пг.). 1922б. № 40 (1192), 19 февр. С. 6.
- Иванов Вс.* Бронепоезд № 14.69: Повесть // Красная Новь. 1922в. № 5. С. 75–124.
- Иванов Вс.* Бронепоезд № 14, 69: Повесть. М.: Госиздат; Главполитпросвет, 1922г. 80 с.
- Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 120–150.
- Иванов Вс.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 8. 784 с.
- Иванов Вс.* Тайное тайных: Рассказы и повести. Письма / Сост. Вяч. Вс. Иванов, Е. А. Папкина. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2015. 400 с.
- Извольская Е.* «Путешествие в Россию» // Последние новости (Париж). 1925. № 1585, 25 июня. С. 3.
- Книжная летопись. 1922. № 13, 1 июля.

Всеволод Иванов. Литература Сибири

Крученых А. Заумный язык у: Сейфуллиной<,> Вс. Иванова<,> Леонова<,> Бабея<,> И. Сельвинского<,> А. Веселого и др.: Кн. 127-я / Обложка и концовки В. Кулагиной-Клуцис (Авто-ксилография). М.: Издание Всероссийского Союза Поэтов (Типография ЦИТ), 1925. 59 с.

Лелевич Г. На литературном посту (Статьи и заметки). Тверь: Парт-издательство «Октябрь», 1924. 170 с.

Лиров М. [Литваков М. И.] Красная Новь. II // Правда. 1922. № 81, 11 апр. С. 3. ЛЖР – Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1, ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. 704 с.

Най [Фурманов Д. А.] [Рец. на:] Красная Новь, № 1, (5) 1922 г. (орган Главполитпросвета) // Политработник. 1922. № 3. С. [115].

Неверов А. В кругу заколдованном. Всев. Иванов // Корабль: Литературно-художественный двухнедельник (М.). 1923. № 1–2 (7–8), янв. С. 32–34.

«Никита Вершинин»: Опера в 4 д., 8 карт. / Либретто С. Ценина (по мотивам повести и пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69»); статья И. Нестьева и краткое содержание оперы Д. Кабалевского и С. Ценина. М.: [Б. и. (Гос. ордена Ленина акад. Большой театр СССР)], 1955. 32 с.

Осенне-летняя работа рабочих клубов и клубов Р. К. С. М. М.: Изд-во «Красная Новь», 1923 (Главполитпросвет). 154 с.

Осинский Н. Побег травы (Заметки читателя). 1. Новая литература: Проза // Правда. 1922. № 95, 30 апр. С. 4–5.

Пильский П. Пегая новь // Сегодня (Рига). 1922. № 176, 10 авг. С. 2.

Полянский В. «Красная Новь» № 4 и 5 // Печать и Революция. 1922. № 2 (5). С. 380–382.

С. К. Художественная хроника // Время: Еженедельная газета (Берлин). 1923. № 238, 5 февр. С. 3.

Садофьев И. Пролетарская литература в обстановке НЭПА: Забавный кредитор // Красная газета (Пг.). 1922. № 203, 9 сент. С. 6.

Слоим М. Портреты советских писателей. Paris: Парабола, 1933. 172 с.

Соболев А. Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: В 2 т. М.: Трутень, 2013. Т. 1: Биографические очерки. 496 с.

Стырская Е. Складки и морщины русской литературы // Накануне (Берлин). 1924. № 125, 4 июня. С. 6.

Э. Г. [Герман Э.] Красная Новь. № 1 (5), январь-февраль [Библиография] // Кооперативное дело (М.). 1922. № 36, 14 марта. С. 4.

I. E. Loshchilov

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

The First Edition of the Vsevolod Ivanov's "Armor Train 14, 69" (1922): The History of Early Reception

The article is devoted to the history of the reception of the first edition of the story of Vsevolod Ivanov "Armored train 14, 69", created by the writer in 1921 and first published in the first issue of the magazine "Krasnaya Nov" in 1922. The first edition is known in two versions:

magazine and book: the story came out as a separate edition in the summer of that year. Until 1932, the story was printed in the first book edition, with minor variations. The same edition formed the basis of the modern scientific publication (2018). After 1932, the text of the story, which retained its “classic” name, was repeatedly redone by the author with the participation of editors and censorship. The article collected information and quotes from reviews, reviews, and reviews primarily from 1922–1925. It is shown that the first critics paid special attention to the politics and ideology of the story and its author. Only a few of them appreciated the truly revolutionary poetics and aesthetics of the story, written by the author in line with the plot and narrative experiment of the literary group “The Serapion Brothers”, to which Vsevolod Ivanov joined immediately after moving from Siberia to Petrograd. In many responses, the story was compared with the novel by Boris Pilnyak “The Naked Year”, excerpts from which were printed in the same issue of the magazine. Party and proletcult criticism was satisfied with the propaganda potential of the story, its “usefulness” for agitation in favor of the Soviet regime. However, both in the Soviet Union and in exile they often drew attention to the fact that the “red” and “white” (“White Guard”) lines developed in the early edition on an equal footing, in the plot counterpoint. In later editions, the feeling of equality of two lines gave way to an unequivocal advantage in favor of the “reds.” The author’s ideology was often read as peasant or neo-people’s (“Scythian”, “Socialist Revolutionary”), which also caused doubts among the literary ideologists of the country of the victorious proletariat. A simplification of the psychological portrait of the characters was noted, which was fundamentally important for the “Serapion Brothers”. The most insightful judgments about the story belonged to the member of this literary group, critic and literature historian Ilya Gruzdev and futurist poet Alexei Kruchenykh. Both drew attention to the dialectical interaction of storylines with extra-plot elements (phonetic zaum, imitation of vernacular and accents, onomatopoeia, etc.).

Keywords: Vsevolod Ivanov, Soviet literary criticism of the 1920s, emigrant criticism, “The Serapion Brothers”, plot.

References

- [Anonymous] Literaturnaya khronika. *Izvestiya* [News], 1922, no. 72 (1511), March 30, p. 4. (in Russ.)
- [Anonymous] Kul'tura, literatura i iskusstvo. V Moskve. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia], 1922, no. 134 (784), June 20, p. 4. (in Russ.)
- [Anonymous] Literaturnaya khronika. In: *Nasha nedelya: Prilozhenie k gazete «Proletarij»* [Our week: Supplement to the newspaper «Proletarian»] (Kharkov), 1922, no. 7, p. 8. (in Russ.)
- [Anonymous] [Annot.] Vs. Ivanov. *Bronepoezd No. 14, 69*. Glavpolitprosvet. Gos. Izd. M. 1922 g. Str. 78. (Tsena ne oboznachena). In: *Byulleten' knigi* [Bulletin of the Book], 1922, no. 5–6, August–October. Moscow, Glavpolitprosvet Publ., p. 49. (in Russ.)
- [Anonymous] *Novye knigi. Vechernie izvestiya* (M.) [Evening news], 1922, no. 21, June 14, p. 2. (in Russ.)
- [Anonymous] [Rev.] Vs. Ivanov. *Bronepoezd No. 14-69. Povest' 78 str.* Izd. Glavpolitprosveta. Gosizdat. Moskva 1922 g. *Ogni* [Fires]: Literaturno-khudozhestvennyj dvukhnedel'nik (Krasnodar), 1923, book 2, p. 18–19. (in Russ.)
- «Nikita Vershinin»: *Opera v 4 d., 8 kart.* [Nikita Vershinin, Opera in 4 acts, 12 scenes], libretto S. Tsenina (po motivam povesti i p'esy Vs. Ivanova «Bronepoezd 14-69»); Statiya I. Nestieva i kratkoe sodержanie opery D. Kabalevskogo i S. Tsenina. Moscow, [B. i. (Gos. ordena Lenina akad. Bol'shoj teatr SSSR)], 1955, 32 p. (in Russ.)
- B. Kr. [Plyusnin B.] *Obzor zhurnalov. «Krasnaya Nov'»* No. 1 (5) Yanvar'-Fevral' 1922 g. Str. 352. C. 90 k. dovoenn. *Narodnoe prosveshchenie* [National education]: Ezhenedel'nik Narodnogo Komissariata po prosveshcheniyu, 1922, no. 101, May 3, p. 14. (in Russ.)
- E. G. [German E.] *Krasnaya Nov'*, No. 1 (5), yanvar'-fevral' [Bibliografija]. *Kooperativnoe delo* [Cooperative Business], 1922, no. 36, March 14, p. 4. (in Russ.)
- Gruzdev I. Vsevolod Ivanov. *Kniga i revolyutsiya* [The Book and the Revolution], 1922, no. 6 (18), p. 24–26. (in Russ.)
- Gul R. [Rev.] Vs. Ivanov. *Bronepoezd № 14, 69. Povest'. Novaya russkaya kniga* [New Russian Book] (Berlin), 1922, no. 11–12, p. 11–12. (in Russ.)

- Gurevich L. O sovremennoj russkoj literature: Novye vshody. *Svirel Pana* [*Pan's Pipe*], 1923, no. 1, p. 13–15. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Bronepoezd No. 14, 69: Povest' [Armored Train № 14.69, Story]. Moscow, Gosizdat, Glavpolitprosvet, 1922, 80 p. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Bronepoezd No 14.69: Povest'. *Krasnaya Nov'* [*Red New Life*], 1922, no. 5, p. 75–124. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Chuzhoj zemli (Glava iz povesti "Bronepoezd No. 14-69"). *Zhizn' iskusstva* [*Life of Art*], 1922, no. 6 (829), February 7, p. 5. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Istoriya moikh knig. *Nash sovremennik* [*Our Contemporary*], 1957, no. 3, p. 120–150. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Rel'sy. *Krasnaya gazeta* (Pg.) [*Red Newspaper* (Petrograd)], 1922, no. 40 (1192), February 19, p. 6. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Sobr. soch. [Collected works]. In 8 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, vol. 8, 784 p. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Tajnoe tajnyh: Rasskazy i povesti. Pis'ma [Secretum Secretorum: Stories and novellas. Letters]. Comp. by Vyach. Vs. Ivanov, E. A. Papkova. Novosibirsk, Svin'in i synov'ya Publ., 2015, 400 p. (in Russ.)
- Izvol'skaya E. "Puteshestvie v Rossiyu". *Poslednie novosti* [*The Last News*] (Paris), 1925, no. 1585, June 25, p. 3. (in Russ.)
- Knizhnaya letopis' [Book chronicle], 1922, no. 13, July 1. (in Russ.)
- Kruchenykh A. Zaumnyj yazyk u: Sejfullinoy<,> Vs. Ivanova<,> Leonova<,> Babelya<,> I. Selvinskogo<,> A. Veselogo i dr.: Kn. 127-ya [Abstruse language at: Seyfullina, Vs. Ivanov, Leonov, Babel, I. Selvinsky, A. Veselyj, etc., Book 127], oblozhka i kontsovki V. Kulaginoj-Klucis (Avto-ksilografiya). Moscow, Izdanie Vserossijskogo Soyuza Poetov (Tipografiya CIT), 1925, 59 p. (in Russ.)
- Lelevich G. Na literaturnom postu (Stat'i i zametki) [At the Literary Post (Articles and notes)]. Tver, Part-izdatel'stvo "Oktyabr", 1924, 170 p. (in Russ.)
- Lirov M. *Krasnaya Nov'*. II. *Pravda* [*Truth*], 1922, no. 81, April 11, p. 3. (in Russ.)
- Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiya. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiya [Literary life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of his contemporaries. Bibliography]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006, vol. 1, pt. 2, 704 p. (in Russ.)
- Naj [Furmanov D. A.] [Rev.] *Krasnaya Nov'*, No. 1, (5) 1922 g. (organ Glavpolitprosveta). *Politrobotnik* [*Political Educator*], 1922, no. 3, p. [115]. (in Russ.)
- Neverov A. V krugu zakoldovannom. Vsev. Ivanov. *Korabl'* [*The Ship*]: Literaturno-khudozhestvennyj dvukhnedel'nik (M.), 1923, no. 1–2 (7–8), January, p. 32–34. (in Russ.)
- Osenne-letnyaya rabota rabochikh klubov i klubov R. K. S. M. [Autumn and Summer work of worker's clubs and clubs of the Russian Communist Youth Union]. Moscow, *Krasnaja Nov'* Publ., 1923 (Glavpolitprosvet), 154 p. (in Russ.)
- Osinskiy N. Pobegi travy (Zametki chitatel'ya). I. Novaya literatura: Proza. *Pravda* [*Truth*], 1922, no. 95, April 30, p. 4–5. (in Russ.)
- Pil'skiy P. Pegaya nov'. *Segodnya* (Riga) [*Today*], 1922, no. 176, August 10, p. 2. (in Russ.)
- Polyanskiy V. Zametki o zhurnalakh. "Krasnaya Nov'" No. 4 i 5. *Pechat' i Revolyutsiya* [*Press and Revolution*], 1922, no. 2 (5), p. 380–382. (in Russ.)
- S. K. Khudozhestvennaya khronika. *Vremya, Ezhenedel'naya gazeta* [*The Time: Weekly newspaper*] (Berlin), 1923, no. 238, February 5, p. 3. (in Russ.)
- Sadofiev I. Proletarskaya literatura v obstanovke NEPA: Zabavnyj kreditor. *Krasnaya gazeta* [*The Red Newspaper*] (Pg.), 1922, No. 203, September 9, p. 6. (in Russ.)
- Slonim M. Portrety sovetskikh pisatelej [Portraits of Soviet writers]. Paris, Parabola Publ., 1933, 172 p. (in Russ.)
- Sobolev A. L. Letejskaya biblioteka: Oчерki i materialy po istorii russkoj literatury XX veka [Lethe library: Essays and materials on the history of Russian literature of the 20th century]. In 2 vols. Moscow, Truten' Publ., 2013, vol. 1, 496 p. (in Russ.)
- Styrskaya E. Skladki i morshchiny russkoj literatury. *Nakanune* [*On the Eve*] (Berlin), 1924, no. 125, June 4, p. 6. (in Russ.)
- Voronskiy A. K. Iz perepiski s sovetskimi pisatel'jami, vstup. stat'ya i publ. E. A. Dinershteina. In: Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]. Moscow, Nauka, 1983, vol. 93, p. 531–617. (in Russ.)

Лоцилов И. Е. Ранняя редакция повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14, 69»

Vsevolod Ivanov. «Bronepoezd 14-69»: Konteksty epokhi [Vsevolod Ivanov. “Armored train 14-69”: Contexts of the Era]. Ed. by N. V. Kornienko; comp. E. A. Papkova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, 736 p. (in Russ.)

Igor E. Loshchilov – Candidate of Philology, PhD, researcher of Literary Studies Section of the Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Russian Literature and Literary Theory of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, loshch@yandex.ru)